

Спутник и Погром - Вторая чеченская: Территория команчей
nopaywall

<https://t.me/nopaywall>

Евгений Норин

Год 1996-й ознаменовался для России унижительным поражением в Чечне. Тогда многим казалось, что ценой стыда и срама покупается мир. Быстро выяснилось, что за такую сомнительную валюту мир купить невозможно.

ДЕМОКРАТЫ В ПАПАХАХ

В

декабре 1996 года Чечню покинули последние российские солдаты. За спиной они оставляли лежащую в руинах республику. Чечня досталась полевым командирам. После гибели Дудаева на роль предводителя появилось множество претендентов. Выбрать президента предстояло в январе 1997 года. Среди десятков желающих нашлось четверо лидеров: Басаев, Масхадов, Яндарбиев и Удугов. Все они имели некие должности. Яндарбиев называл себя «и.о. президента», а Басаев «председателем таможенного комитета», что бы это ни значило, но в Чечне тогда можно было объявить себя хоть бароном, хоть претором.

В качестве пророссийской фигуры в эту странную предвыборную гонку пытался включиться Руслан Хасбулатов, но под нажимом влиятельных боевиков снял свою кандидатуру.

• 1/5 Шамиль Басаев

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[PrevNext](#)

Масхадов считался «голубем». Бывший начальник штаба Дудаева представлял умеренное крыло, хотя теперь неизвестно, хотел ли он устроить в Чечне светское государство. Как минимум взгляд Масхадова на вещи был разумнее, чем у Яндарбиева и Удугова. Эти двое олицетворяли курс на окончательную архаизацию Чечни.

Наконец, в качестве сильной самостоятельной фигуры выступил Басаев. Его действия в Буденновске не всех привели в восторг даже в самой Чечне, но по итогам войны он оказался на коне. Отпечаток личности Басаева лежит на многих дальнейших событиях чеченской эпопеи — он стал одним из ключевых персонажей следующей войны и сформировал ее лицо. Хасавюртовские соглашения полевой командир, разумеется, не ставил ни во что. В интервью литовской прессе вскоре после окончания войны он заявил:

С Россией война будет продолжаться. Ведь они так по-скотски, бесчеловечно вели себя в Чечне. Российские войска убили 100 тысяч человек, все разорили и ушли. Если нам будет выгодно, мы будем говорить с любым руководителем этой страны. Но только пусть Россия заплатит нам 700 миллиардов долларов США за ущерб, причиненный Чечне, а мы на эти деньги сможем купить пол-России.

Басаев там был не один такой. Другой знаковый деятель, Салман Радуев, высказывался в похожем духе:

Я не скрываю, что не хочу мира с Россией. Многим удобно, чтобы мы воевали с ней. В ближайшее время я собираюсь вооружить армию из 5 тысяч человек. Не боевиков, а хорошо обученную диверсионную армию, которая сможет уничтожить 5-10 российских дивизий. Оружие мы получаем со всего мира. Афганистан почти даром отдает гранатометы, которые у нас на базаре стоят по 1 тыс. долларов, проблема только в транспортировке. У меня сейчас очень много денег и я покупаю оружие. Меня финансируют исламские партии. Иностранные спецслужбы нам помогают. Никакая власть в Чечне не может запретить это движение. Германия вроде бы поддерживает позицию России, а меня оперировали в одной из лучших клиник Германии. Неужели официальные власти Германии не знали, что я в стране? Мы будем взрывать железнодорожные станции, потому что это стратегически важные военные объекты. Радуев производил впечатление не совсем вменяемого человека, но это как раз было не важно — он имел под началом несколько сотен вооруженных бойцов. Басаева, Радуева и подобных им полевых командиров никакие доводы рассудка не могли бы заставить перековать мечи на орала. Чечня по природе своей не могла развиваться мирно: она создавалась при помощи автомата — людьми, которые ничего не умели кроме партизанской войны и террора. Единожды поставив на колени державу со стопятидесятиmillionным населением, чеченские варлорды не собирались проводить жизнь в скучном обустройстве убогих вотчин из нескольких полуразрушенных деревень. На Третий Рим они смотрели взглядом Алариха. Так в Чечне думали многие из тех, кого война вынесла на верхушку социальной лестницы или хотя бы подняла с ее нижних ступенек.

Но основную массу населения Чечни составляли вовсе не абреки, готовые продолжать войну бесконечно. Масхадов одержал победу на выборах с сокрушительным преимуществом — почти 60%. Теоретически это открывало широкие возможности. На практике же президентский пост в Чечне мало что значил. Масхадов мог полагаться только на собственные отряды, которыми командовал еще во время войны. Для того чтобы хоть как-то нормализовать жизнь в республике, ему требовалось разгромить собственных бывших товарищей, но те имели под рукой значительно больше бойцов, денег и оружия. Масхадов, по выражению российских спецслужбистов, мог сходить на базар без риска быть похищенным ради выкупа, но и только. Никакого почтения к выборным органам власти вооруженные люди в Чечне не испытывали.

Аслан Масхадов и Борис Ельцин

Несколько странно, что Москва никак не пыталась сыграть на противостоянии Масхадова и непримиримых. Возможности расколоть сепаратистское движение имелись. Тем более что в ход событий вмешался новый фактор, не имевший большого значения в первую войну: радикальные религиозные течения.

FALLOUT. БОРЬБА НА РУИНАХ

В

первую войну религиозный фактор играл второстепенную роль. Чеченцы в массе своей более привержены обычаям-адатам, чем шариату. Характерно, что в 1997 году выборы выиграл наименее озабоченный духовными вопросами кандидат. Однако межвоенный антракт стал временем активной экспансии нового движения — ваххабизма.

В принципе, название «ваххабиты» для кавказских радикалов конца XX века не вполне точно. Обиходное название этой секты пришло в русский язык от мусульман традиционного толка, которые использовали устоявшийся еще с советских времен термин. Сами сектанты подчеркивали свою принадлежность к суннизму, причисляя себя к салафитам — движению за чистоту ислама и мусульманскую общину образца раннего Средневековья. Ваххабитами их окрестили не на пустом месте: когда-то настоящие последователи Ваххаба так же жестко противостояли традиционному кавказскому исламу. Как бы то ни было, население прозвало новых проповедников и их

приверженцев ваххабитами — дальше мы для простоты будем использовать этот термин.

Относительно тонкостей ваххабитской теологии существуют разногласия внутри самого мусульманского сообщества, однако для нас важен в первую очередь вопрос об отношениях адептов этой секты с внешним миром. И здесь важна принципиальная нетерпимость ваххабизма к не-мусульманскому обществу, всякого рода государственным институтам и традиционному исламу Кавказа. Религиовед Роман Силантьев комментировал эту характерную черту ваххабизма так:

Между ваххабитами и нормальными мусульманами всего лишь полпроцента различий, но эти «пять десятых процента» не дают ваххабитам ни с кем мирно сосуществовать. Радикальная секта развивалась в Чечне с подачи Саудовской Аравии. Непосредственно в республике религиозное государство продвигал Зелимхан Яндарбиев. Яндарбиев не так знаменит, как всем известные Басаев и Хаттаб, но его роль в превращении чеченской войны в религиозную трудно переоценить. Именно он, будучи формальным главой Чечни с момента гибели Дудаева и до избрания Масхадова, сделал один из решительных шагов в этом направлении. В сентябре 1996 года Яндарбиев распорядился сформировать шариатские суды вместо светских, ввел «шариатский уголовный кодекс» (фактически — копию аналогичного законодательного акта Судана) и начал формировать исламскую гвардию из религиозных радикалов. Вскоре он нашел противника в лице действующего муфтия Чечни Ахмата Кадырова. Появление «конкурирующей фирмы» в лице чужих проповедников муфтия не обрадовало. Естественным противником исламистов стал и Масхадов, который оказался самым светским лидером сепаратистов. Однако, он тоже не хотел для Чечни целиком секулярного будущего. Масхадов поддержал введение шариатских судов и объявление ислама государственной религией Ичкерии, надеясь использовать веру для стабилизации обстановки. Проблема в том, что его личный авторитет от этого шага никак не вырос. В оппозицию по разным причинам ушли все серьезные полевые командиры. К тому же, пытаясь наладить хотя бы какое-то управление остатками хозяйства, Масхадов привлек к работе нескольких чиновников бывшего пророссийского правительства Завгаева. Естественно, его тут же обвинили в работе на Кремль. В конце концов, пытаясь договориться с Басаевым, Масхадов назначил того «вице-премьером» (должность «премьер-министра» при этом занимал тот же Басаев). Однако неудачливый реформатор попросту передал таким образом властные полномочия в руки самому одиозному атаману.

Шамиль Басаев

Все эти политические игры происходили на фоне растущего влияния ваххабитских проповедников. Радикалы устанавливали власть ислама в аулах со стычками и стрельбой, и в 1998 году Чечня находилась уже в состоянии вялотекущей гражданской войны, причем в перестрелках иногда участвовали сотни бойцов, а кончалось дело десятками трупов. Сам Масхадов пережил серьезное покушение. Ваххабиты привлекли на свою сторону несколько крупных полевых командиров: Арби Бараева, выделявшегося жестокостью даже в этой среде, и влиятельный клан работорговцев братьев Ахмадовых. К ваххабитам примыкал саудовец Хаттаб, профессиональный джихадист, воевавший против русских еще в Афганистане и после первой войны решивший остаться в Чечне. Гелаев, Басаев, Радуев и более мелкие командиры маневрировали, то объявляя о своей лояльности Масхадову, то обвиняя его в разнообразных грехах. На территории приблизительно 150 на 100 километров действовали десятки самостоятельных командиров, каждый из которых требовал свою долю власти над тем, что оставалось от Чечни. В конце концов, Масхадов окончательно размежевался с оппозицией, общим лидером которой стал Басаев.

ГНЕЗДО ВСЕХ РАЗБОЙНИКОВ

Р

азумеется, яростная борьба шла не просто так. Чечня 1996–1999 годов лежала в руинах, однако деньги на содержание викингских дружин в стране водились. Хотя республика

не производила ничего, а уставшие от жизни на современной Тортуге люди понемногу разбегались, кое-кто в Чечне процветал.

Начать следует, пожалуй, с российских дотаций «на восстановление» Чечни. За три года независимости федеральный бюджет похудел на 300 миллионов долларов, причем до самой Чечни добиралась едва ли половина. Любой нелегальный бизнес в республике был бы невозможен без соучастия чиновников в РФ, но дотации на реконструкцию разворовывали еще по дороге. Это, в общем, мелкая шалость по сравнению со всем остальным: по крайней мере, до террористов доходила лишь малая доля этих денег.

Межвоенная Чечня

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[PrevNext](#)

Одной из основных отраслей хозяйства внутри самой Чечни стало кустарное производство нефтепродуктов. Мощная нефтяная промышленность, построенная еще в России и СССР, лежала в руинах, и теперь черное золото добывалось самыми варварскими способами. К тому же через Чечню удачно пролегал трубопровод, и предприимчивые местные жители превратили его в «месторождение».

Другим источником прибыли стала контрабанда наркотиков. Поскольку граница контролировалась достаточно слабо, а сама Чечня не контролировалась никак, имелись все возможности для транзита привозного зелья или производства его прямо на месте.

Отдельная отрасль чеченской экономики — похищения ради выкупа. Людей хватали чаще всего в сопредельных с Чечней областях, хотя украсть человека могли и в глубине России. Например, весной 1999 года в Саратове похитили дочь местного предпринимателя. Девочку 7 месяцев держали в подвале, ожидая, пока родители соберут выкуп, зверски пытали и в итоге вернули родителям за большие деньги. Хорошо известны истории похищенных журналистов, но в основном чеченцы крали вполне обычных людей, за которых богатые покровители не хлопотали. Например, в начале 1999 года схватили 59-летнюю учительницу Наталью. 14 марта ее украли прямо у входа в школу, затащив в машину. Женщину отвезли в Чечню. В плену она питалась хлебом и водой, иногда голодая по три дня. В погребе водились крысы. Пока преподавательница размышляла о своей судьбе, похитители пытались договориться о сумме выкупа, но не слишком преуспели (торговаться чеченцы обычно начинали с несуразных цифр). Когда бандиты заявили, что для мотивации отрежут ей палец перед видеокамерой, Наталья решила спасаться любой ценой. Ей удалось сказать, что она больная, после чего контроль ослаб. Учительница смогла бежать через окно, а затем при помощи мирной местной семьи добралась до Ингушетии.

Интересно, что Масхадов пытался бороться с этой практикой, однако ничего конкретного так и не добился: бизнес был слишком прибыльным.

Чувствовать себя в безопасности не мог никто. В конце 1996 года, например, группа бандитов перестреляла в Старых Атагах миссию Международного Красного Креста, убив шестерых врачей из разных западных стран.

Норвежец Тобиас Бредланд вспоминал:

В ту ночь я дежурил. Я крепко спал и проснулся от лая собак. Вскоре после этого я услышал, как кто-то передвигается совсем рядом с моей комнатой. Звук был такой, как будто кто-то пытался открыть дверь комнаты Райнера — эта комната располагается напротив. Потом кто-то попытался осторожно открыть мою дверь. Я спросил: «Кто там?», подумав, что ко мне пришёл кто-то из госпиталя. Затем я услышал шум, который доносился из соседней комнаты (комнаты Шерил). Мне кажется, она закричала: «Нет, нет!», после чего последовали два коротких вскрика. Раздались звуки ударов, как будто проникшие в здание неизвестные лица били её, а потом вытащили из комнаты. Всё это продолжалось около двух минут. Никакого шума со второго этажа я не слышал. Пока из соседней комнаты раздавались все эти звуки, я проверил, запер ли я замок в моей двери на два оборота. Я выглянул в окно и в комнате для охранников успел увидеть голову какого-то человека, который тут же исчез из поля зрения. Я спрятался между кроватью и стеной под спальным мешком и стал слушать радио, настроенное на канал для дежурных врачей и медсестер. Минут через пять шум прекратился, и в здании снова стало тихо. По радио и в коридоре я услышал знакомые голоса. Я решился выйти из комнаты и в коридоре встретил Луизу. Дверь комнаты была открыта. В комнате лежала мёртвая Шерил. Встретив в коридоре Хайди и Чиро, я поднялся на второй этаж.

В тот момент я ещё не знал о том, что там произошло. На втором этаже я обнаружил мёртвую Фернанду, а затем Нэнси и Ганса. Мне кажется, я мельком заглянул в комнату Ингеборг и увидел там ещё одно мертвое тело...

Кто и зачем перебил медиков, так и осталось неизвестным. Считалось, что к налету могут быть причастны Хаттаб или Бараев, однако мотивы убийства до сих пор остаются загадочными.

[1](#)

[2](#)

[PrevNext](#)

Темна и история с казнью троих англичан и новозеландца в 1998 году. Преступление совершила банда Бараева, который успел к тому моменту заработать репутацию настоящего садиста. Британцы приехали в Чечню устраивать систему радиотелефонии по согласованию с компанией «Чечентелеком». 8 октября приезжих похитили, держали взаперти, постоянно избивая и угрожая, а 7 декабря им отрезали головы. Перед убийством британцев заставили сознаться в том, что они через спутниковую антенну прослушивали телефонные переговоры чеченцев и передавали спецслужбам, чтобы помешать распространению ислама. В действительности, Бараев хотел надавить на хозяев «Чечентелеком» на переговорах о доле в выкупе за других заложников — или получить выкуп за самих инженеров. Однако высокие стороны не смогли договориться, и это стоило англичанам жизни.

Нравы в республике царили самые простецкие. Ради сиюминутных интересов убить или искалечить могли даже людей, объективно полезных для Ичкерии в целом. Например, в 1997 году произошла известная драматическая история: похитили съемочную группу НТВ во главе с Еленой Масюк. Телевизионщики до тех пор доброжелательно относились к боевикам и описывали их в самых героических тонах. Однако при виде бешеных миллионов, идущих своими ногами, чеченцы все-таки не устояли.

• 1/2 Арби Бараев

[1](#)

[2](#)

[PrevNext](#)

Личные контакты с дивизионным генералом Басаевым и полковником Хаттабом, у которых Масюк брала интервью, ей не помогли. Позже журналистка рассказывала: Мы спрашивали их, что будет, если деньги за нас не заплатят. Они отвечали, что будем сидеть дальше, год — два, рассказывали, что те, кто брал оэртэшников, когда получили за них выкуп, накормили все свое село мясом.

В итоге за журналистов дали выкуп в два миллиона долларов. Телевизионщик вообще был самым ходовым товаром: за него платили лучше всего.

Юлия Латынина, которую уже тогда отличала оригинальность суждений, описала историю с Масюк так:

Оказалось несколько неприятных вещей для нашей либеральной интеллигенции, которая видела в чеченцах борцов против режима. Оказалось, что госпожу Масюк никто не стал спасать, да госпожа Масюк просто был тот человек, который сделал чеченскую войну такой войной за свободу. И мало того, что никто не стал ее спасать, что было просто глупо даже для будущего пиара чеченцев, просто стало очевидно, ну как, это бизнес, похищение людей. Люди работали, люди украли человека, значит, они должны на этом заработать. Значит ни Шамиль Басаев, никто другой, кого Масюк считала своими просто друзьями, не вмешались в ситуацию, потому что один бизнесмен не вмешивается в деловые интересы другого бизнесмена. Если люди занимаются бизнесом на похищении людей, с точки зрения Чечни это легитимный бизнес.

С пребыванием Масюк в плену связана некая грязная сплетня, но стоит отметить, что подтверждений ей нет.

В целом статистика похищений в Чечне выглядит так. В 1996 году было украдено 427 человек, в 1997 году — 1140 человек, в 1998 году — 1415 человек. В 1999 году в базе данных МВД числилось около 3200 похищенных и разыскиваемых людей. Каждый похищенный приносил удачливым бизнесменам от нескольких тысяч до нескольких миллионов долларов.

По республике, естественно, ходило огромное количество оружия и боеприпасов. Украинский солдат фортуны, работавший на Радуева, оставил живописное описание нравов и обычаев:

Место на базаре, где в Грозном продается оружие, именуется биржей. У местных оно пользуется не лучшей репутацией. Считается, что в Шали, или в горах, у жителей покупать оружие дешевле. Жить-то как-то надо, а здесь орудуют перекупщики. В тот день ассортимент на рынке был обычным, только оружие российского производства. Иногда бывает и иностранное, но редко. Что впечатляет и свидетельствует о стабильном спросе, так это цены. Говорят, они держатся благодаря тому, что за оружием приезжают и из России. Специфику предложения диктуют и вкусы чеченцев. За пистолет АПС (пистолет Стечкина — S&P) просили ни много, ни мало — 4500 долларов, больше, чем за винтовку СВД. Подобное оружие, несмотря на его очевидную безобидность, разве, что по витрине стрелять, пользовалось у чеченцев популярностью и в войну. Совсем уже «навороченный» пистолет при посредничестве Корчинского пытались сплавить Шамилю Басаеву за 40 тысяч долларов. Корчинский вежливо уклонился, хотя психологически «гешефт» был выверен очень точно. Нынешний премьер-министр в таком обществе, как чеченское не может обойтись без очень дорогого, желательного уникального, оружия, как «мерседес» или спутниковый телефон — это вопрос престижа. Контрабанда подобного оружия западного производства довольно распространена среди мелких грузинских бизнесменов. Рядом с базаром можно опробовать оружие, пострелять, как когда-то в досаафовском тире.

Оружейный базарчик в Грозном

[1](#)

[2](#)

[PrevNext](#)

Он же сделал любопытные зарисовки относительно военной организации чеченцев: Басаев в пиковые моменты своей популярности собирал до 500 человек за счет примкнувших «индейцев». Все они воспринимали войну, как свое личное дело. То есть, принуждены были сами заботиться об оружии, снаряжении, продовольствии. Поиск собственной выгоды составляет основу их интереса к любому начинанию. Еще одним недостатком чеченцев является некоторая ограниченность кругозора, порожденная, как ни странно, тем же практицизмом. Когда люди Гелаева копали окопы, то делали это только из уважения к своему начальнику, а не из понимания, зачем все это нужно. Вразумили их уже артобстрелы и авианалеты. Круг технических познаний чеченца ограничен: оружие, видеомэгнитофон, кнопочный телефон, еще машина. Получив в руки, например, пистолет, они сразу же садятся его разбирать. Со взрывчаткой уже сложнее. В Шали долгое время выставляли противотанковые мины, забыв поставить их в боевое положение. Подрывники, артиллеристы и водители бронетехники почти всегда «интернационалисты» или даже пленные.

Куда менее романтичным выглядит описание отношения к пленным и заложникам: Меня всегда поражала пассивность жертв, даже ввиду неминуемой и очевидной смерти. Человек спокойно стоит, когда ему в упор, целятся между глаз из автомата. Когда расправлялись с контрактниками, те исполняли все команды палачей: «Ляжь!», «Подбери руки!», «Подогни ноги!» Жертвам довольно глубоко перерезали шею, поддевали трахею и пересекали ее, как при забое скота. Зрелище не из приятных: человек свистит, дергается минут пятнадцать. Перед тем как бросить в общую могилу, его все равно приходилось достреливать.

Специфическую роль в происходящем играли российские чиновники и олигархи. В частности, множество грязных тайн унес с собой в могилу Борис Березовский. Этого магната обвиняли во множестве грехов, а в некоторых он признавался лично. В частности, Борис Абрамович говорил, что передавал Басаеву деньги то «на восстановление республики», то «на строительство завода». По сути, олигарх сознавался, что для неких своих замыслов спонсировал чеченских боевиков. При этом ни для кого не было тайной, что Березовский посредничал при выкупе заложников — более того, он бравировал своей ролью в переговорах. Разумеется, при этом Борис Абрамович имел и чисто корыстные интересы, но в основном бизнесмен приобретал

таким способом не деньги, а влияние. Фактически Березовский стал одним из ключевых архитекторов системы похищений и выкупов в Чечне. Впоследствии он сыграет свою зловещую роль перед вторжением боевиков в Дагестан.

1

2

[PrevNext](#)

В целом в республике сложилось своеобразное разделение труда: вотчиной Масхадова стала нефтянка, Басаев кормился с лабораторий по производству героина, Бараев и Ахмадовы занимались работорговлей, Хаттаб же опирался на внешние источники финансирования — он получал деньги от разнообразных радикальных организаций, базировавшихся в странах арабского востока. Фонды эти использовали в качестве прикрытия спецслужбы ближневосточных нефтяных деспотий. Сам Хаттаб имел саудовские корни, Яндарбиев тесно работал с Катаром. В отличие от многих других атаманов, арабский террорист создал в Чечне сеть лагерей подготовки партизан и диверсантов, где помимо чеченцев обучались представители среднеазиатских и ближневосточных народов. Хаттаб уделял внимание подготовке не только головорезов, но и пропагандистов, борцов за души и умы. Амбиции профессионального моджахеда выходили далеко за пределы разоренной Чечни.

МЕТАСТАЗЫ

В

ариться в собственном соку Чечня просто не могла. Республика сошла прямо со страниц бульварного романа, но жизнь — не роман, и организовать в Чечне даже слабое подобие нормального общества никто из полевых командиров не мог. Сборище разбойников, безумных проповедников, контрабандистов и анархистов, при виде которых Бакунин обратился бы в охранители, не могло и не желало замыкаться в пределах разрушенной и теряющей людей маленькой территории. К тому же помощь

из стран Персидского залива выделялась под конкретную задачу — расширение зоны влияния.

Цель на тот момент выглядела вполне достижимой. Россия только что потерпела оглушительное поражение, и выглядела слабой и совершенно беззащитной.

Расширение Чечни выглядело делом стоящим — а по мере того, как в самой республике разрушалась инфраструктура, даже необходимым.

Прощупывание российских позиций началось почти сразу после подписания похабного мира в Хасавюрте. Например, в апреле 1997 года две чеченских женщины подорвали вокзал в Пятигорске радиоуправляемой бомбой, убив двух человек и ранив еще три десятка. Основным организатором оказался Салман Радуев. В этой истории проявилась одна из самых отталкивающих черт боевиков — даже на собственных женщин они смотрели как на ресурс. Обоих террористок толкнули на участие в теракте не идейные соображения, а самые простые человеческие мотивы: одной после войны оказалось негде жить, другой было нечем отдать долги. Женщины решили свои проблемы оригинальным образом: обе попались и получили одна 16, другая 19 лет тюрьмы. Ужас ситуации в том, что взрыв в Пятигорске — не единственный и даже не самый страшный теракт подобного рода. Нападения шли без остановки, по несколько взрывов каждый год. Иногда в результате этих акций погибали десятки людей. Причем ставший знаменитым осенью 1999 года способ теракта — подрыв жилого дома — опробовали значительно раньше. 16 ноября 1996 года в Каспийске неизвестные подорвали девятиэтажку (террористов так и не нашли), а в мае 1999-го во Владикавказе диверсанты Хаттаба обрушили дома в микрорайоне, где традиционно жили офицеры 58-й армии. Это важный момент: позднее разнообразные адвокаты чеченских боевиков настаивали на том, что взрывы осени 1999-го нетипичны для чеченского подполья. Говорить такие вещи может только человек, совершенно незнакомый с историей террора на Кавказе. Подрывы на улице Гурьянова и Каширке оказались новы только тем, что произошли в Москве. Для юга России подобные вещи уже с 1997 года стали классическим «никогда не было, и вот опять».

[1](#)

[2](#)

[PrevNext](#)

На чеченском пограничье тем временем продолжались боевые действия, выходящие за рамки обычного для республики разбоя и террора. В конце декабря 1997 года на военный городок в Буйнакске напал отряд в полсотни боевиков Хаттаба с пулеметами и гранатометами. Они сожгли несколько машин и уехали, прикрывшись заложниками — милиционерами и пассажирами захваченного рейсового автобуса. Правда, особенного успеха им достичь не удалось. В перестрелке полегло несколько нападавших, но сам по себе факт налета на военных показателен. Хаттаб имел своеобразное чувство юмора: бой в Буйнакске случился через четыре дня после проведения круглого стола «Дагестан — Чечня: мирные инициативы». Позднее набеги не прекращались. Так, 16 апреля 1998 года неподалеку от Малгобека в Ингушетии группа боевиков напала на небольшую колонну инспекторов генштаба РФ. Генералы, прибывшие из Москвы во главе с начальником генштаба генералом Квашниным, отчего-то полагали, что на фронтире действует закон — ни один из больших чинов не удосужился вооружиться хотя бы пистолетом.

• 1/2 Сергей Сапожников

[1](#)

[2](#)

[PrevNext](#)

Комиссию охраняли лишь несколько солдат. Автоколонну поймали на дороге, в тумане, и обстреляли буквально с 10-15 метров из автоматов и гранатометов. К счастью, из-за тумана и плохой подготовки стрелявших большая часть машин благополучно ушла. Охрана отстреливалась прямо на ходу из кузова «Газа». Однако замыкающий «уазик» изрешетили со всеми, кто в нем находился. Террористы убили пять человек, включая одного генерала. Понять организаторов инспекции невозможно: о прибытии комиссии знали даже газетчики, а охрана оказалась минимальной. Дальнейшие события не менее показательны: солдат охраны за этот бой наградили, но у одного из них, сержанта Сергея Сапожникова, неизвестный военный чиновник орден украл — в буквальном смысле слова, как лихой абрек коня. Боец лежал в госпитале, и за это время в военкомате, куда отправили награду, ее успели «заиграть». Через восемь лет бойцу все-таки выдали дубликат, но затем выяснилась еще одна изумительная подробность. Сержанту отказали в статусе участника боевых действий: официально его часть не участвовала ни в каких операциях, и ни ранение, ни награда, ни спасенные драгоценные тела генералов генштаба ничем здесь не помогли. Сергей Сапожников не считается участником боевых действий до сих пор.

Позднее, когда некоторые чеченские участники этого набега попали на скамью подсудимых, один из них невинно заявил: «Я думал, это будет просто операция по захвату, простите, освобождению заложников».

Однако опаснее набегов было проникновение ваххабитов в «мягкое подбрюшье» России — Дагестан.

Инфильтрация радикалов в Дагестан началась немедленно после замирения в Хасавюрте. Уже в сентябре 1996-го на собрании правоверных в Первомайском лидеры местных ваххабитов объявили, что Дагестан последует за Чечней. Создание подполья возглавил некий Багаутдин Кебедев. Этот человек занимался организацией радикальных сект еще с 80-х годов. Среди прочего Кебедев составил учебник арабского, содержащий, например, такую фразу для заучивания: *«Он враг мне, потому что он не мусульманин и я его враг, потому что я мусульманин»*. Ваххабиты Дагестана получили фанатичного и уверенного в себе лидера.

Для начала исламисты развернули в дагестанских селах сеть исламских учебных заведений. Самые упорные ученики отправлялись в Чечню к Хаттабу, где изучали уже не Коран, а основы подрывного и засадного дела.

В 1997 году ваххабиты установили свою власть в Кадарской зоне — двух крупных селах в глубине Дагестана, Карамахи и Чабанмахи. На уроженке этого «партизанского края» женился Хаттаб. Правоверные изгнали оттуда милицию и принялись перекраивать жизненный уклад по своему усмотрению, устроив шариатский суд и выставив на подходах к зоне вооруженную охрану. Суд стал инструментом местной политики: например, сельчанина, участвовавшего в официальном общественном мероприятии в Махачкале, побили палками. С другой стороны, ваххабита, застрелившего соседа из автомата, наказали штрафом и выгнали в Чечню.

Кадарская зона

Всё это происходило при стоическом безразличии властей. Когда, спустя годы, в разрушенное артиллерийским огнем Карамахи вошли войска, правозащитники спросили: «Почему это свое недовольство карамахинцы высказывают только сейчас?» И получили логичный ответ: «А с чего вы это взяли? Мы протестовали, некоторые из нас даже демонстрацию в Махачкале устраивали. Требовали от властей навести порядок в наших селах. Но нас не слушали. Тогда власти было невыгодно связываться с ваххабитами. А журналистов, приезжающих в наши села, они окружали особым вниманием и не давали им с нами даже поговорить».

Это не отговорка. Кадарскую зону посещал даже премьер-министр Сергей Степашин. Чиновнику устроили такую встречу, что тот оказался очарован местной общиной и выдал речь следующего содержания:

Я бы предостерег всех от навешивания ярлыков «ваххабиты», «экстремисты». У нас свобода вероисповедания. Все мирно будем вам помогать, я вам даю честное слово: с мирным населением никто воевать не будет.

Район, поставивший себя вне России, продолжал существовать свободно.

Ваххабиты разработали детальную программу действий. В частности, Магомед Тагаев, один из идеологов движения, разродился книгой «Повстанческая армия имама». Книга издана в Киеве в 1997 году и подробно описывает, что и как следует делать борцам за веру:

Народы Кавказа должны освободить себя сами и, главное, сообща. Нам необходимо поставить перед собой цель освобождения нашей родины, нашего Кавказа от иноземного русского ига. Кавказ и Россия останутся соседями. Терпеть такого соседа невозможно. России как национального государства никогда не было. Естественно, Россия останется в пределах только исторической Московии, Тверской и Новгородской области. (...) Мы будем сражаться на полях, в горах и на море. Вдоль и поперек, в Поволжье, на Урале и в Сибири, на Севере и Дальнем Востоке... Мы перевернем море и землю, дорожные и надводные мосты, аэродромы, аэропорты и автожелезнодорожные вокзалы как гражданские, так и военные, автопарки и элеваторы, электроэнергетические системы всей вашей империи.

Территориальные претензии этого деятеля оказались весьма обширны. России для начала предстояло ужаться до следующих границ:

Итак, с запада на восток по северной линии от населенного пункта Кантемировка прямо до населенного пункта Мешковская, далее населенного пункта Боковская, далее населенного пункта Советская, оттуда до населенного пункта Дорбинка, оттуда до Калача-на-Дону, оттуда до города Волгоград, оттуда до населенного пункта Светлый Яр, далее до населенного пункта Ахтюбинск и крайняя точка на севере и востоке — озеро Баскунчак.(...) Ни о каких интересах русских на Северном Кавказе речи не может идти. Только один выход — мечом и огнем сжечь все дотла и дорезать,

кто остался жив, чтобы ни один не уполз, кто не успел уйти за очерченные выше нами границы в установленный срок. Будем разрушать все от Дагестана до самой Москвы, включая Кремль.

К 1999 году интересы кавказских джихадистов и московских политиков начали сталкиваться. Напряженность постоянно росла. Весной 1999 года в Чечне украли полпреда МВД генерал-майора Шпигуна (впоследствии его тело нашли под Итум-Кале). Похищение приписывалось разным группам боевиков, от басаевцев до отряда Бауди Бакуева. Становилось все очевиднее, что проблемы придется решать силовым путем. С другой стороны, ваххабиты в Чечне и Дагестане постепенно убедились, что плод созрел, и есть возможность привести весь Дагестан к шариатскому правлению. Безнаказанность окрыляла, внутри Чечни ярлам боевиков становилось тесно, а спонсоры требовали конкретных шагов и результатов.

К тому же в июне 1999 года произошло страшное событие: оказался перекрыт трубопровод Баку-Новороссийск, а пограничный контроль начал усиливаться. Паразитировать на РФ становилось труднее. Для боевиков, обустроивших государство, независимое от российских законов, но неспособное прожить без России как дойной коровы, это означало катастрофу. Никаких шансов построить в Чечне что-нибудь прибыльное, но при этом не подпадающее под действие УК, не было. Уменьшение делимого пирога не могло не вызвать бешеной междоусобной борьбы за его остатки. Перед крупными полевыми командирами вставал небогатый выбор: либо продолжать плясать зикр на шагреновой коже над пропастью, либо атаковать. При всех своих пороках, недостатком решительности Басаев и Хаттаб не страдали. А главное, Россия казалась слабой — и новая победа над ней сразу вознесла бы полевых командиров на вершины славы и власти на Кавказе. К тому же Хаттаб действительно верил, что сражается за дело ислама. Он участвовал во множестве войн под знаменем религии, и прожил так всю сознательную жизнь. Джихад был для него не только способом заработать, но и делом чести.

1/2 Вид на Карамахи. 1999 г.

[1](#)

[2](#)

[PrevNext](#)

Наконец, в Москве активно искали замену президенту Ельцину. Кем бы ни оказался пресловутый преемник, ему для успеха требовались яркие жесты, крупные победы, нечто, позволяющее быстро стать королем общественного мнения. В этом смысле идея спровоцировать боевиков на вторжение смотрелась соблазнительно. В нее укладываются и сообщения СМИ о загадочных контактах главы АП Волошина с Басаевым незадолго до начала войны, и обвинения в адрес Березовского, касающиеся его роли в провоцировании конфликта.

На самом деле удар с той или другой стороны неизбежно последовал бы: Чечня просто не имела шансов на длительное самостоятельное существование. Однако спровоцировать боевиков на выступление в конкретный момент — например, пообещав им легкую сдачу Дагестана на тех или иных условиях — российские спецслужбы вполне могли. Никаких доказательств провокации нет, но совпадение слишком удачное: потребовался эффектный успех в борьбе с отвратительным врагом, и враг любезно выскочил из кустов. Подчеркнем, однако, что ситуация на Кавказе сложилась такая, что боевикам все равно пришлось бы либо нападать, либо сдаваться.

В Москве как минимум знали о вторжении и ждали его. В августе 1999 года чеченцы перешли в наступление и начали прорываться в прилегающие районы Дагестана. Читайте ещё больше платных статей бесплатно: <https://t.me/nopaywall>